
Глава 14

ПРАЗДНОВАНИЕ «ВЕЛИЧАЙШЕГО СОБЫТИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ»

На фоне бушующего в бывшей столице «красного террора» петроградские большевики готовились отметить первую годовщину Октябрьской революции. История организации и проведения этого первого и главного советского праздника проливает свет на ряд более широких политических и социальных вопросов, с которыми большевикам пришлось столкнуться в первый год Советской власти в Петрограде. Среди этих вопросов — переосмысление петроградскими большевиками роли и места своего города, отношения между Петроградом и Москвой, институциональная иерархия и структура власти, масштабы социальной поддержки Советской власти в регионе в этот период.

Учитывая бесконечные трудности и кризисы, сопровождавшие жизнь в городе в предшествующие месяцы, петроградские рабочие имели все основания спросить осенью 1918 г., как спрашивали накануне Первомая: «что тут праздновать?» Однако многие петроградские большевики видели массу поводов торжественно отметить приближающуюся годовщину. Наступление белых и чехов на востоке Центральной России удалось остановить. 10 сентября у белых была отбита Казань. Еще более важным фактором было полномасштабное отступление германских войск на Западном фронте. В октябре и начале ноября война Германией была окончательно проиграна, Габсбургская империя распалась, в Центральной Европе произошли демократические революции, опрокинувшие старый порядок. Надо сказать, что Ленин был глубоко обеспокоен вероятностью того, что после победы страны Антанты захотят объединиться с побежденной Германией, чтобы попытаться устраниТЬ исходящую из России угрозу

большевизма. Однако его трактовка очевидного уже поражения Германии как источника существенно возрастающей угрозы для Советской власти воспринималась петроградскими большевиками с долей скептицизма.

«То, что мы видим теперь, превзошло всякие ожидания, — восторгался известный петроградский большевик, член ПК Моисей Харитонов на пленарном заседании Совета Первого городского района в середине сентября, — ведь надо вспомнить, как в октябре прошлого года все почти мечтали лишь как-нибудь продержаться, в лучшем случае, до Учредительного собрания; тогда мало кто разделял уверенность тов. Ленина в прочном будущем и постоянстве Советской власти, ставшем фактом теперь». Месяцем позже, выступая на заседании все в том же районном Совете, Иван Пашкевич, бывший член Германской социал-демократической партии (1), высокообразованный интеллектуал и один из руководителей Совета, безапелляционно отмел опасность для Советской власти как внутренней, так и внешней угрозы. «В последнее время, — отметил он, — события развертываются, как в кинематографе. Каждый новый день несет с собой столько новостей, сколько раньше нельзя было ожидать за год, и то, что еще недавно казалось недостижимым, теперь достигается с легкостью и быстротой. Мы привыкаем постепенно считать наше положение прочным». Чехи в панике отступают, говорил Пашкевич. Как только германские войска покинут Донскую область и Украину, эти территории быстро перейдут под советский контроль. Что касается возможной интервенции союзников, то те незначительные силы, которые они могут направить в Россию, быстро окажутся настолько же деморализованными, как и те части, что уже находятся в Мурманске и Архангельске. В противовес ленинскому беспокойству, Пашкевич настаивал, что «боязнь иностранного вмешательства в настоящее время совершенно не обоснована» (2).

Царившая осенью 1918 г. эйфория по поводу революционных побед на Волге и в Центральной Европе нашла отражение в петроградской прессе, в докладах и резолюциях Петроградского Совета (3), в выступлениях представителей большевистского руководства на традиционных воскресных митингах (4) и в стенограммах Седьмой городской и Первой губернской (7–11 октября) конференций РКП(б) (5). Конечно, на этих форумах руководители петроградских

большевиков, вслед за Лениным, призывали членов партии к новым жертвам и говорили о необходимости создания 3-миллионной армии. Однако, в отличие от Ленина, они считали наращивание военной мощи, всеобщее военное обучение и тому подобные меры необходимыми не столько для защиты от неизбежного нападения белогвардейцев и коалиции империалистических держав, сколько для будущей победоносной миссии Красной армии по распространению социалистической революции в Центральной Европе. Уверенности им придавал тот факт, что Советская власть в России продержалась уже целый год (значительно дольше знаменитой Парижской коммуны), и твердая вера в то, что русская революция является началом новой эры на планете — социалистического тысячелетия. Таково, в самых общих чертах, было настроение петроградских большевиков, когда они готовились грандиозным празднеством отметить то, что будущий известный советский историк Вадим Быстрянский назвал тогда «величайшим событием в мировой истории» (6).

* * *

Составление предварительных планов октябрьских торжеств в Петрограде было начато Комиссариатом просвещения СК СО в августе 1918 г. (7). В начале сентября руководство Петроградского Совета взяло ответственность по подготовке праздника на себя. Несмотря на предпринятые партийными органами шаги по расширению их политического влияния в сопоставлении с Советами, продолжающаяся организационная слабость партии не позволила ей конкурировать с Петроградским Советом в деле организации, в областном масштабе, массовых торжеств, которые были бы достойны эпохального значения Октябрьской революции и роли Петрограда как места ее рождения. Судя по всему, ПК не играл особо значимой роли в подготовке праздника, а районные комитеты партии сами координировали степень своего участия в праздничных мероприятиях.

Центральное бюро организации октябрьских торжеств — главный орган подготовки к празднику — в составе десяти человек было создано 15 сентября на совещании президиума Петроградского Совета (8) и было подотчетно ему. Первоначально Бюро возглавила Мария Андреева, затем ее сменил Наум Анцелович, профсоюзный

лидер и член исполкома Петроградского Совета. Бюро были предоставлены полномочия издавать постановления, обязательные к исполнению всеми петроградскими организациями, и затребовать все необходимое для организации праздника. Аналогичные полномочия получили и все 10 или 12 секций, входивших в его состав. Укреплению авторитета Центрального бюро значительно способствовал тот факт, что его многомиллионный бюджет, баснословно огромный по тем временам, предназначался, в том числе, для оплаты мероприятий, запланированных праздничными комиссиями районных Советов, практически не имевших других источников финансирования. Вертикальная административная структура, полностью отвечавшая тем централизованным институциональным моделям, которые в течение месяцев не слишком успешно насаждало на всех уровнях власти московское правительство, позволила Центральному бюро сосредоточить в своих руках финансовый контроль за большей частью праздничных мероприятий.

В течение второй половины сентября Центральное бюро было занято формированием внутренней структуры и подбором кадров для своих отдельных и, по большей части, автономных секций: художественно-декоративной, театральной, музыкальной, кинематографической, строительной, экономической, маршрутной, осветительной и автотранспортной. Была также создана «фронтовая секция» для отправки подарков и подготовки праздничных представлений для войск Красной армии на северо-западном фронте. Предварительный план проведения торжеств в Петрограде был разработан Бюро на заседаниях 17 и 19 сентября. Первоначально предполагалось, что памятные мероприятия, включающие мемориальную церемонию в честь павших героев революции и собственно празднование «Октября», продлятся один день. А. Ф. Оксюз, секретарь Центрального бюро, получил задание сделать доклад о характере и примерной схеме проведения праздника, который должен был послужить основой для начала подготовительных работ (9). Председателем на заседании Центрального бюро 19 сентября был сам Луначарский. В начале заседания Оксюз изложил основные положения своего доклада. Согласно ему, схема праздника выглядела следующим образом. Сигналом к началу праздника должен стать салют из пушек Петропавловской крепости. Позже участники торжеств собираются по районам и сле-

дуют на Марсово поле «шествием в виде карнавала». Дополнительному увеселению должны способствовать сценки, разыгрываемые на движущихся платформах в ходе процессии. Колонны участников из разных районах соединяются у украшенных пальмовыми ветвями братских могил павших героев революции. Там их встречает «грандиозный» государственный оркестр, который играет «Интернационал». Возле могил воздвигнуты трибуны, с которых произносят речи ораторы. С наступлением темноты участники вновь сформируются в процессии для участия в факельном шествии по городу. Весь Петроград сияет, залитый светом огня и электричества. С крыш с четкими интервалами в небо взмывают фейерверки. Одновременно горожан развлекают разнообразныеочные представления. Во всех театрах всю ночь должны идти бесплатные спектакли и концерты (10).

Луначарский предложил разделить праздник на три части и усилить радостное настроение за счет создания «непрекращающегося шума», снабдив с этой целью детей и подростков «особыми свистульками, трещотками, металлическими трубками и т. д.» (11). В плане октябрьских торжеств, представленном им Московскому Совету, он предложил воспроизвести эмоциональную атмосферу Октябрьской революции. Праздник, по мнению Луначарского, должен быть разбит на три части: борьба, победа и упоение победой. Настроение сначала нарастает, затем достигает наивысшей точки, и все заканчивается всеобщим весельем (12). Вполне вероятно, такую же схему он предложил и для Петрограда.

Выступивший после Луначарского Анцелович предложил расставить празднование Октября на два дня. Первый день, считал он, следует отвести под политические митинги и демонстрацию военной мощи пролетариата. Центром этого первого дня, по мысли Анцеловича, должен стать Смольный — главный символ пролетарской революции в сознании широких масс. После праздничного пленума Петроградского Совета состоится мощная массовая демонстрация. Отличительной особенностью второго дня праздника должно стать всеобщее радостное веселье. Горожане проснутся под громкий перезвон колоколов и звуки труб. Корабли, большие и малые, будут бороздить Неву. В небо над Марсовым полем на воздушном шаре будет поднято гигантское красное знамя. Участников веселья на улицах будут осыпать дождем революционной литературы из проезжающих автомобилей.

Анцелович полагал, что центром торжеств второго дня должен стать либо Пролеткульт, либо Дворец труда, и что по случаю праздника труда все профсоюзы должны подготовить специальные праздничные транспаранты. В отличие от концепций Оксюза и Луначарского, план Анцеловича исключал Марсово поле из числа центральных мест торжеств. Как пояснил Анцелович, праздник должен быть не поминками (хотя дань памяти павшим героям должна быть отдана), а устремленным в будущее торжеством революционных побед, как уже достигнутых, так и предстоящих. К концу этого заседания было решено, что главным событием первого дня (7 ноября) станет политическая демонстрация и что центром праздничных мероприятий будет Смольный. Второй день (8 ноября) станет днем веселья. Он будет ознаменован открытием памятников героям революции, а также торжественной церемонией открытия Дворца труда в здании бывшего Николаевского дворца (позже — Ксениинского института благородных девиц). 9 ноября — так как официально Москвой были объявлены три дня праздника, 7–9 ноября — участники заседания, не чувствовавшие в себе сил подготовить столь длинную программу, решили объявить свободным днем, в который горожане могли отдыхать, как им заблагорассудится (13).

24 сентября Андреева выступила с докладом о промежуточных итогах работы Центрального бюро на пленарном заседании Петроградского Совета (14). Из доклада было ясно, что за основу Бюро взяло структурную схему Луначарского, а в концептуальном плане свело воедино идеи, выдвинутые 19 сентября им, Оксюзом и Анцеловичем. В начале своего выступления Андреева подчеркнула, что хотя главная цель праздника состоит в том, чтобы внушить пролетариату уверенность в конечном успехе его дела, кровопролитная борьба за победу революции еще не кончена, и поэтому октябрьские торжества должны носить «серьезный и строгий характер». Темой первого дня празднования станет демонстрация силы и власти революции. Петроградские массы будут разбужены бравурными звуками музыки — оркестров, или хоров, или даже колоколов, только, разумеется, не церковных. Сформированные в районах процесии рабочих и красноармейцев проследуют к Марсову полю, где примут участие в короткой памятной церемонии в честь похороненных там павших героев революции, а затем продолжат путь к Смольному. Будучи главным

штабом и символом Октябрьской революции, Смольный должен стать центром событий первого дня. Там пройдет торжественное заседание Петроградского Совета и перед Смольным будет открыт монумент «великого учителя нашего Маркса». Остаток дня будет посвящен митингам, которые пройдут во всех районах города. Вечером все театры будут открыты для публики.

Темой второго дня торжеств станет праздник рабочих. Власти города официально откроют и передадут рабочим Дворец труда, в просторных залах которого состоятся памятные митинги. Главным событием там станет открытие гигантской статуи рабочего-металлиста, мощно возвышающейся перед входом во дворец. Затем последуют массовые гуляния вдоль Невы и на других открытых пространствах вдоль многочисленных петроградских каналов. В парках и скверах пройдут открытия новых памятников революционным героям. Вечернее световое шоу, театральные программы и другие массовые зрелища станут достойным завершением программы второго дня (15). Впоследствии отдельные элементы плана октябрьских торжеств, представленного Андреевой, будут отточены и доработаны, новые элементы добавлены, но большая часть его базовой концепции останется неизменной.

* * *

В течение второй половины сентября, по инициативе Центрального бюро, комиссии по проведению октябрьских торжеств были организованы при районных Советах. Районным комитетам партии большевиков было позволено выделить по одному представителю для работы в этих комиссиях. Для районных Советов организация потрясающих воображение торжеств была не только способом отметить победу русской революции, но и возможностью продемонстрировать собственные достижения и восстановить связи с рабочими. Реакция Рождественского районного Совета на идею организации большого праздника была в этом отношении типичной. 30 сентября он с энтузиазмом воспринял предложение своей праздничной комиссии «не позже будущей недели» разработать совместно с представителями соседних предприятий план проведения торжеств. Районный

Совет подчеркнул, что необходимо поощрять рабочих к организации торжественных мероприятий на рабочем месте, и постановил, что каждое предприятие должно выделить по три человека для участия в разработке плана районных торжеств (16).

Тремя днями позже исполнком Петергофского районного Совета с не меньшим воодушевлением и популистским рвением сформировал комиссию из трех человек для ознакомления с планом проведения праздника, предложенным «центром», и разработки собственно го плана, который должен быть представлен Совету на следующем пленарном заседании (17). На этом заседании 6 октября один из членов комиссии посетовал, что для их района Центральное бюро предусмотрело только украшение Нарвских ворот и здания районного Совета. Явно неудовлетворенный такими планами центра, он заявил, что «исторический день годовщины Октябрьской революции должен оставить особенный след в сердце революционного пролетариата». Разделяя его озабоченность, другой член комиссии заявил о необходимости украсить к празднику *весь* район, чтобы хотя бы в этот великий день «скрыть всю неприглядность нашей будничной обстановки». При этом он настаивал, чтобы дело украшения было передано в руки рабочих, которые, как считал он, легко справятся с этой задачей всего за какие-то пятьсот тысяч рублей из тех десяти миллионов, которые, по его словам, были выделены Центральному бюро. Его предложение было одобрено, как и предложение другого депутата, который рекомендовал обеспечить рабочим трехразовое питание на праздники. С этой целью был назначен полномочный представитель Совета, которому было поручено реквизировать провизию на местном рынке и позаботиться о сохранении продуктов, конфискованных у спекулянтов (18). Особая склонность районных Советов и рабочих вообще к украшению всего и вся и настойчивость в привлечении широких рабочих масс к подготовке и организации праздника наблюдались повсеместно.

Районные Советы, несомненно, понимали, что их самодеятельность в вопросах подготовки к празднику может идти вразрез с планами Центрального бюро. Позиция последнего была сформулирована в первых же опубликованных бюллетенях его секций. Так, музыкальная секция в своем постановлении от 9 октября ставила в известность все государственные организации, районные Советы,

образовательные учреждения и музыкантов, что подготовка всех праздничных концертов и музыкальных представлений является *исключительно* ее прерогативой (19). 14 октября, когда разработка праздничных планов в ряде районных Советов уже шла вовсю, Центральное бюро созвало совещание с участием районных советских представителей. Как дал понять на состоявшемся в тот же день пленарном заседании Рождественского Совета его председатель, Центральное бюро буквально завалило районных представителей оригинальными и чрезвычайно разнообразными идеями разработанных им праздничных мероприятий, большим количеством экспертов и других ресурсов, имеющихся в его распоряжении и, как, по крайней мере, подразумевалось, огромными преимуществами, которые откроются для районных Советов, если они будут следовать рекомендациям по проведению праздника, разработанным Центральным бюро (20).

То, что эти преимущества будут закрыты для них, если они не подчинятся планам Центрального бюро, судя по всему, было районными Советами понято. Все их представители, принимавшие участие в совещании, включая представителей Рождественского и Петергофского районов, проголосовали за принятие установлений, предложенных Центральным бюро, что дало ему право последнего слова во всех спорных вопросах, касающихся организации праздника. Согласно этим установлениям, руководство всей деятельностью, связанной с подготовкой праздника, переходило к Центральному бюро; самодеятельные, не согласованные с Бюро проекты отдельных районов запрещались; районным Советам также было запрещено выпускать плакаты или выдвигать лозунги без предварительного одобрения Центральным бюро; все мероприятия по праздничному украшению районов должны были вестись только под наблюдением Центрального бюро. Было согласовано, что отдельные предприятия, учреждения и организации представляют в районные Советы смету своих расходов на праздничные проекты. В свою очередь, районные Советы, на основании этих данных, составляют районный бюджет праздника, который должен быть одобрен Центральным бюро. Ни у кого из участников заседания Рождественского районного Совета 14 октября не возникло вопросов по поводу приемлемости этих ограничений, и его председатель напоследок призвал своих коллег

поторопить предприятия с составлением проектов и бюджетов праздника (21).

Хотя формально полномочия Центрального бюро как органа Петроградского Совета были ограничены пределами Петрограда, ему были выделены средства для помощи в организации празднования первой годовщины Октября во всех губерниях Северной коммуны и в частях Красной армии, противостоящих германским войскам. На практике основные усилия Бюро за пределами Петрограда сосредоточились на подготовке праздника на фронте. 5 октября Оксюз, от имени Центрального бюро, представил разработанную им схему праздника на заседании Петроградской губернской комиссии по подготовке октябрьских торжеств, после чего присутствовавшие представители сельских Советов ознакомили его со своими планами, которыми он, похоже, остался доволен. Эти планы предусматривали четырехдневное празднование. Предполагалось, что в первые два дня делегаты местных Советов примут участие в торжествах в Петрограде, а в следующие два дня все «активные силы» Петрограда выедут в провинцию, чтобы принять участие в праздничных мероприятиях даже в самых маленьких деревушках (22).

К следующему заседанию (11 октября) Петроградская губернская праздничная комиссия сократила продолжительность сельских торжеств с участием петроградцев до одного дня (9 ноября). Как пояснил один из членов комиссии на заседании 11 октября, день 9 ноября объявлен в Петрограде свободным днем, потому что все «активные силы» города поедут в деревню, чтобы разъяснить крестьянам громадное значение праздника и демонстрировать силу революции политическим врагам (23).

В итоге, как оказалось, праздничные мероприятия, в том числе довольно амбициозные, состоялись в городах и деревнях Петроградской губернии и других губерний Северной области и без помощи «активных сил» Петрограда (24). Центральное бюро лишь снабдило отдаленные районы инструкциями, километрами красной материи, горами листовок, бюстами и портретами советских лидеров всевозможных размеров (25). Кроме того, главный акцент в подготовке торжеств в области петроградские организаторы сделали на том, чтобы дать «деревне» возможность своими глазами увидеть чудеса праздника в Петрограде. Во-первых, сельским Советам по всей Северной

области было предложено отобрать делегатов для участия в праздничных торжествах в «красной столице». Этим делегатам были гарантированы бесплатный проезд, проживание, питание и развлечения, а также участие в том, что подавалось как потрясающее в своей уникальности, важнейшее историческое событие (26). Во-вторых, 3–6 ноября в Петрограде должен был состояться съезд комитетов деревенской бедноты Северной области, который был запланирован советскими властями с тем расчетом, чтобы после съезда съехавшиеся на него примерно пять тысяч делегатов смогли бы остаться и принять участие в октябрьских торжествах в городе, стартующих 7-го.

Согласно официальному уведомлению о съезде комбедов, 17 октября переданному по радио во все отдаленные уголки Северной коммуны, делегатов предполагалось разместить в Зимнем дворце, там же должны были проходить заседания съезда, все расходы, связанные с поездкой, компенсировались (27). Конечно, созыв этого съезда объяснялся необходимостью укрепления связей с крестьянством, уточнения функций и координации деятельности комбедов и их отношений с сельским и Советами, а также облегчения призыва крестьян на обязательную службу в Красную армию. В начале сентября было принято решение расширить призывной контингент, включив в него крестьян петроградского региона, что требовало большей деликатности и предупредительности в подходе к ним. Но, помимо всего этого, как и в случае с приглашениями для сельских Советов, выбор времени проведения съезда говорил о сознательном намерении петроградских властей объединить рабочих и крестьян для совместного участия в самом, по их определению, грандиозном из всех массовом зрелище. Крестьянские представители, по их мысли, затем понесут весть о великих победах и перспективах революции в отсталую деревню. Главное, как пояснял Зиновьев, это то, что «несколько тысяч крестьян поживут неделю-другую в Петрограде, увидят наши организации, подышат одним воздухом с революционным пролетариатом, завяжут массу дружеских связей с питерскими рабочими, услышат наших лучших ораторов и... увезут с собою каждый мешок с литературой, предназначенной для деревни... [Они] послужат живым мостом между городом и деревней» (28).

Политика Центрального бюро в отношении участия петроградцев в праздничных мероприятиях на фронте отличалась от его «сель-

ской» политики. В отличие от крестьян, солдаты в зонах боевых действий не могли никуда уехать на праздники. К тому же, после первых крупных военных успехов Красной армии ее военнослужащие, которых прежде боялись и считали наказанием Петрограда, теперь почитались как герои. Поэтому, как мы увидим дальше, Центральное бюро не жалело усилий, чтобы донести до них радость октябрьского праздника.

* * *

Заседания Центрального бюро 17 и 19 сентября и выступление Андреевой в Петросовете 24 сентября задали общие параметры первых двух дней торжеств в Петрограде. Планирование и организационные мероприятия продолжались весь октябрь и первые дни ноября с нарастающей энергией, чему способствовали давление со стороны районных Советов и известия о решающих, судя по всему, революционных событиях в Центральной Европе. 19 октября в прессе был опубликован список важнейших объектов в Петрограде (общим числом 71), предназначенных для особого праздничного убранства, и художников, чьи декорационные проекты были отобраны для этой цели. Впоследствии число и объектов, и художников в списке выросло. Среди мест в городе, подлежащих праздничному оформлению по эскизам известных петроградских художников, были главные общественные здания, вокзалы и мосты, центральные площади, проспекты и перекрестки, а также здания районных Советов (29). Уже с начала октября по всему Петрограду выросли, как грибы, многочисленные строительные площадки. Что касается театральной, музыкальной и кинематографической секций, то их праздничные приготовления были не менее амбициозными (30).

Важная роль в праздничных мероприятиях была отведена кораблям Балтийского флота, со времен «Ледового похода» покойного «адмирала» Щастного базировавшимся в Кронштадте и в самом Петрограде. Лучшие линкоры должны были войти в устье Невы, крейсерам отводился участок Невы к югу от Николаевского моста, а армада эсминцев должна была стать на якоре между Николаевским и Литейным мостами в самом сердце Петрограда. Все корабли должны

были быть украшены разноцветными флагами и снабжены оборудованием для световых эффектов и фейерверков. Начало водного шоу было намечено на шесть часов вечера. С этого момента и до полуночи ночное небо над Невой должны были освещать лучи прожекторов, ракеты и прочие фейерверки (31). Предполагалось, что подобные, хотя и более скромные, световые и огненные представления будут устроены на судах, стоящих на якоре у провинциальных городов вдоль русла Невы от Петрограда до самого Ладожского озера (32).

Театральные спектакли, концерты, кинофильмы, световые шоу и фейерверки, парады кораблей были лишь верхушкой айсберга. Среди других форм развлечений, запланированных Центральным бюро и его секциями, были передвижные уличные варьете (33); музыкальные ансамбли, играющие на празднично украшенных грузовиках и балконах по всему городу (34); живые картины, изображающие сцены из революционного прошлого (герольды, пешие или конные, должны были объявлять, где что в городе происходит) (35) и передвижные киноустановки, после уличных концертов демонстрирующие фильмы «под открытым небом». Планировалось показать фильм «Вселение в буржуазные квартиры» по сценарию Луначарского, а также кинохронику революции (36).

Кроме того, различные программы митингов, театрализованных представлений, концертов и поэтических чтений были запланированы всеми петроградскими районными Советами, несмотря на строгие правила, связанные с получением разрешений, в том числе финансовых, от Центрального бюро. Главным пунктом большинства районных торжеств должно было стать торжественное заседание районного Совета, сопровождаемое гала-концертом местных талантов. Несмотря на богатые ресурсы талантов, обещанные районным Советам Центральным бюро, они зачастую предпочитали полагаться на собственные силы. Более того, по мере приближения праздника, Центральное бюро (возможно, из-за зависимости от районных Советов в деле завершения подготовки к торжествам), похоже, даже не пыталось им возражать. Так, в Нарвском и Московско-Заставском районах были сформированы собственные «пролетарские» хоры. Спыхнувши, секции Центрального бюро подготовили инструкторов, чтобы помочь районным Советам подготовить концерты и театрали-

зованные представления (37). Редакция единственного в своем роде печатного издания районного Совета — «Вестника Совета 1-го городского района» — подготовила праздничный двойной выпуск с фотографиями, «годовыми отчетами» о работе Совета и его отделов и воспоминаниями. Еще, как минимум, один районный Совет — Совет Второго городского района — выпустил памятное издание о собственных достижениях за год (38).

Для того чтобы принести праздник в действующую Красную армию, фронтовая секция Центрального бюро организовала сбор подарков для солдат, сформировала делегации для доставки их на фронт и подготовила концертные группы для выступлений перед военнослужащими. В пути, однако, эти гастрольные группы были вынуждены сами заботиться о себе. Одной из первых гастрольных групп, отправившихся на фронт, был так называемый «Первый народный великорусский оркестр». 2 ноября он отправился из Петрограда с двухнедельным турне на Северный фронт (39). На следующий день другая группа артистов, включая духовой оркестр из двадцати четырех человек, отправилась на Карельский фронт. Начало их турне оказалось неудачным: в Петрозаводске их разместили в железнодорожных вагонах, а посреди ночи враждебно настроенное железнодорожное начальство выкинуло артистов из вагонов. 7 ноября оркестранты этой группы возглавили праздничную демонстрацию в Петрозаводске, а с 8 по 24 ноября, перемещаясь, поочередно, на поезде, пароходе, на санях и верхом, дали множество представлений для солдат в гарнизонах центральной Карелии (40).

Луначарский и Зиновьев придавали особенно большое значение октябрьским торжествам и принимали самое деятельное участие в их подготовке. Для Зиновьева было чрезвычайно важно утвердить образ «красного Петера», где «разыгрались первые и решающие битвы» революции, как центра мирового революционно-социалистического движения. Он наметил амбициозную издательскую программу, способствующую достижению этой цели. Центральным пунктом этой программы было издание сборника воспоминаний тех участников октябрянского захвата власти, которые после переезда правительства в Москву остались в Петрограде и могли осветить ведущую роль города в первой социалистической революции. Зиновьев призывал следовать примеру буржуазии революционного Парижа. «По-

смотрите, — говорил он, — как французская буржуазия [сумела] свою революцию изучить и воспеть, как каждый уголок в Париже, где проходило какое-нибудь важное событие, увековечен... Не надо забывать, что в Петрограде каждый камень является достоянием истории... мы ступаем по исторической земле». Важной задачей праздника, с точки зрения Зиновьева, было запечатлеть революционные события, происходившие во всех уголках Петрограда, «чтобы они не пропали для наших братьев, для нашего будущего поколения». «Сто-двести отрывков», собранные вместе в одном томе, подытожил он, составят «золотую книгу мирового социализма» (41).

Подавляющее большинство городских праздничных мероприятий являлись инициативой Луначарского, Зиновьева, Центрального бюро либо одной из его секций. Важное исключение представляла программа для детей бедноты, родившаяся буквально в последнюю минуту, чтобы стать главным событием третьего дня праздника. В течение второй половины октября не связанные между собой проекты, нацеленные на вовлечение детей в юбилейные торжества, разрабатывались различными органами, в том числе на местном уровне. Детский отдел театральной секции Центрального бюро запланировал детский марш и специальные театрализованные представления для детей 9 ноября (42). Одновременно музыкальная секция вместе с театральной составили программу детского варьете (43); Совет Петроградского района запланировал «грандиозный» детский парад в сопровождении уличного оркестра (44); группа работников комиссариата просвещения была привлечена к организации школьных хоров и разучиванию с ними революционных песен (45); Ириновская железная дорога решила устроить для детей развлечения на открытом воздухе, среди которых были поездки на разукрашенных поездах, праздничное угождение и представления (46); а железнодорожники Невского района подготовили для своих детей «Спящую красавицу» (47). 2 ноября отдел общественного призрения Спасского районного Совета объявил, что он организует первый пролетарский праздник для детей районной бедноты и приглашает другие организации присоединиться, чтобы совместными усилиями подготовить широкомасштабный детский фестиваль (48). Все эти инициативы развивались независимо друг от друга, и только накануне октябрьских торжеств они были сведены воедино.

В этом отношении примечательно, что о специальных детских мероприятиях ничего не было сказано ни на расширенном пленарном заседании Петроградского Совета 1 ноября, где Анцелович выступил с «итоговым» подробным отчетом о программе октябрьских торжеств, подготовленной Центральным бюро, ни даже в расписании праздничных мероприятий, опубликованном в петроградской прессе 6 ноября. Первое публичное заявление о том, что в третий день праздника «все должно быть предоставлено в распоряжение детей: оркестры, трамваи, автомобили, цветы, артисты, распорядители и т. д.», — появилось в инструкциях для организаторов, опубликованных и распространяемых во второй половине дня 6 ноября. Эти инструкции содержали подробный план детского шествия, митинга и концерта для детей на Дворцовой площади, а также концертов и кинопоказа в Зимнем дворце. Всем детям, принявшим участие в празднике — ожидалось, что их будет тридцать тысяч человек — были обещаны такие лакомства, как белые булки и яблоки (49). «Детский день», похоже, был одним из тех редких элементов общегородского праздника, рожденных преимущественно инициативой «снизу».

Пленарное заседание Петроградского Совета 1 ноября началось с восторженных комментариев Зиновьева по поводу огромного количества крестьянских делегатов, съезжающихся в Петроград на областной съезд комбедов (что, по мнению Зиновьева, было явным признаком того, что большевистская кампания по обретению поддержки крестьянства сделала успехи), и по поводу народных восстаний в Центральной Европе (в интерпретации Зиновьева — решающих шагов к победе социалистической революции русского типа в глобальном масштабе). В целом, сценарий, представленный Анцеловичем, соответствовал общему плану двухдневного празднества, с которым 24 сентября выступила в Петросовете Андреева (50). Доклад Анцеловича, как никакой другой источник, показывал, насколько большое значение Центральное бюро придавало и празднику в целом, и его отдельным элементам. Как выразился Анцелович, социалистическая революция в России имела самое непосредственное отношение к тем колоссальным сдвигам, которые происходили в тот момент на Западе. Поэтому предполагалось, что празднование годовщины Октября в Петрограде имело чрезвычайно важное между-

народное значение. Но и без революций, разворачивающихся на Западе, выживание власти рабочих в России в течение целого года заслуживало грандиозного, беспримерного праздника. Программа памятных торжеств должна быть составлена так, чтобы не только позволить рабочим отдохнуть от их тяжелого труда, но и дать им в полной мере ощутить все колоссальное значение этого эпохального события.

С точки зрения Анцеловича, в первый день было чрезвычайно важно мобилизовать все военные и пролетарские силы Петрограда, чтобы продемонстрировать буржуазии, «себе» и всему миру силу рабочего класса бывшей столицы. Центром торжественных мероприятий первого дня должен был стать Смольный, потому что исторические решения, принятые в нем, явились началом новой эры не только в жизни российского пролетариата, но и всего человечества. Идея сделать центральным пунктом праздника Марсово поле была отвергнута, поскольку, как выразился Анцелович, «год прошел, и мы имеем не только трупы, а имеем пролетарскую власть».

Если первый день призван был символизировать победоносную борьбу за пролетарскую диктатуру, назначение второго — показать, что достигнуто за год, благодаря усилиям рабочего класса. Центральным событием должно было стать торжественное открытие первого пролетарского Дворца труда в России. Раскрывая символику гигантской статуи металлиста перед входом, Анцелович пояснил, что это будет контрапункт работы известного бельгийского скульптора, изображающей рабочего-металлиста в глубоком раздумье. Бельгийская статуя представляла рабочий класс времен Второго Интернационала. Металлист перед Дворцом труда будет воплощать новую эпоху в истории пролетариата. «Металлист проснулся, он встал и в своих руках держит молот, которым разбивает всякое насилие в стране». Организация рабочих по профессиям для демонстрации второго дня будет означать, что «мы строим те обряды, которые строят жизнь, хозяйство, которые строят Дворцы труда». Демонстрации рабочих в этот день пройдут на Невском проспекте, а затем растекутся по буржуазным кварталам. Пусть, объяснял Анцелович, «мы еще не успели вселиться... но улица наша и весь буржуазный квартал наш... Он [пролетариат] должен быть хозяином».

В конце своего доклада Анцелович еще раз подчеркнул просветительскую функцию праздника: «Каждый из нас должен постараться-

ся, чтобы на улицах были жены, сестры, чтобы вся наша низина была на улицах. Мы выйдем из рабочих кварталов в центр города. Каждый из нас должен идти, для того чтобы демонстрация была грандиозной, чтобы в ней принимали участие массы самые отсталые, ибо, товарищи, для нас демонстрация не простое времяпрепровождение, а великая школа, которая воспитывает, рождает коммунистов. Каждый рабочий, побыв в колоннах демонстрантов, почувствует свою силу, и самые боязливые почувствуют, что великая сила коллектива рабочего, пролетарского класса» (51).

В этой связи Зиновьев, перефразируя замечание одного крестьянина, назвавшего Октябрь «Пасхой рабочего класса и беднейшего крестьянства», выразил надежду, что празднование «красной Пасхи» пройдет великолепно, и объявил, что, поскольку доклад Анцеловича носил информационный характер, дискуссии по нему не будет (52).

* * *

Участие в октябрьских торжествах в Петрограде было «по приглашениям». Планировались торжественные мероприятия для официальных лиц и делегатов от Советов, РКП(б), профсоюзов и некоторых других институтов и городских организаций, для именитых зарубежных гостей; партийных и беспартийных рабочих, крестьян, красноармейцев и моряков Балтийского флота. Представители бывших господствующих классов, занятые на принудительных работах (кроме тех, кто трудился на разгрузке продовольственных припасов) были освобождены от работы в праздничные дни. «Бывшие люди» и члены оппозиционных партий (особенно левые эсеры), а также те рабоче-крестьянские «бандиты», которые пошли за ними, были подчеркнуто исключены из числа участников торжеств.

Это сделалось ясным уже в начале октября, когда исполком Петроградского Совета запретил профсоюзу печатников, находившемуся под влиянием меньшевиков, принимать участие в праздничных демонстрациях (53). В период непосредственной подготовки к празднику советские власти в Петрограде поспешили создать большевистский «Союз красных печатников», который должен был представлять рабочих петроградских типографий на октябрьских торже-

ствах (54). Подробный порядок шествия демонстрантов, разработанный маршрутной секцией Центрального бюро, согласно которому всем участникам парада отводились четко закрепленные позиции с пятиминутным интервалом, был отчасти направлен на то, чтобы пресечь возможное вторжение нежелательных элементов и групп (55).

Центральное бюро прилагало значительные усилия к тому, чтобы обеспечить рядовых рабочих и крестьян бесплатными билетами на театральные представления и концерты — не только для того, чтобы дать им редкую возможность приобщиться к элитарной культуре или чтобы им было чем занять себя, но и чтобы они получили удовольствие (56). В то же время, участие в наиболее престижных мероприятиях, например, в открытии памятника Марксу утром 7 ноября, в торжественном заседании Петроградского Совета с последующим праздничным концертом вечером 7-го и в грандиозном открытии Дворца труда вечером 8 ноября, было строго ограниченным. В числе приглашенных были лишь государственные и партийные деятели, зарубежные гости и горстка избранных представителей массовых организаций (57).

Ввиду амбициозности планов Центрального бюро и трудностей, переживаемых в тот момент Петроградом, нет ничего удивительного в том, что завершить все намеченные к празднику строительные объекты оказалось невозможным. Мелкие бытовые преступления стали бичом Центрального бюро — особенно распространены были незаконные реквизиции строительных материалов фальшивыми представителями Центрального бюро днем и воровство со строительных площадок в ночное время. Преступникам, пойманым с поддельными документами Центрального бюро либо ворующим на стройкам по ночам, грозило «наказание по законам военного времени» (58). На местном уровне у праздничных комиссий районных Советов были проблемы с получением средств из бюджета Центрального бюро, что подчас заставляло их искать иные источники финансирования или полагаться на собственную смекалку (59).

Одна из главных забот организаторов праздника — продовольственное снабжение города в торжественные дни — была снята на заседании Центрального бюро 19 октября. Из доклада представителя комиссариата продовольствия СК СО выяснилось, что в самые трудные дни лета и начала осени они специально откладывали запас

провизии для праздника. Внезапно, как по волшебству, комиссариат оказался в состоянии гарантировать городу достаточное количество мяса, масла и даже французских булок (60).

* * *

С самого начала петроградские власти рассматривали празднование первой годовщины Октябрьской революции как возможность доказать, что именно «Красный Петроград», а не Москва является флагманом мировой социалистической революции. Отчасти эта претензия была продолжением векового соперничества между двумя столицами, которое обострилось в середине марта, когда Советское правительство в спешке бежало из Петрограда в Москву, а позже поддерживалось за счет незатухающего конфликта между московским и петроградским руководством. На ранней стадии праздничных приготовлений в Петрограде постоянные стычки между Петровским и Зиновьевым по поводу нежелания первого официально признавать Союз коммун Северной области стали достоянием гласности. Это произошло после того, как Петровский в интервью, опубликованном в «Известиях» 10 октября, привел Северную коммуну в качестве показательного примера автономного, самопровозглашенного регионального образования, которое нарушало Советскую конституцию и принципы советского государственного строительства. Случившийся как раз в тот момент, когда Петроград лихорадочно готовился в ходе грядущего праздника продемонстрировать свое превосходство в качестве революционной столицы, выпад Петровского требовал решительного ответа. Он последовал в форме открытого письма к нему комиссара по внутренним делам СК СО Равич, опубликованного в газетах 17 октября. Представив в нем образование правительства Северной области как вынужденную реакцию на требования со стороны населения края, нуждающегося в руководстве, и как необходимость заполнить образовавшийся вакuum власти, Равич обвинила Петровского в неинформированности, обмане и своекорыстной ограниченности (61).

Менее недели спустя ЦК большевиков в Москве едва не расстроил планы Петрограда по утверждению в ходе праздника своего

первенства, назначив сначала на 5-е, а затем на 6-е ноября открытие Шестого Всероссийского съезда Советов в Москве. Главной целью этого спешно созванного съезда было обеспечить Ленину общенациональную трибуну для изложения его взглядов на влияние неожиданно скорого окончания мировой войны на международное положение Советской России и ее насущные военные задачи. Во-вторых, съезд должен был обсудить реформу институтов Советской власти в деревне. Однако, как прямо дал понять Свердлов на заседании ВЦИК 22 октября, дата экстренного съезда была выбрана с тем прицелом, чтобы празднование годовщины Октябрьской революции началось в Москве. Отражением этого намерения было и то, что первым пунктом повестки дня съезда значился доклад Ленина «Первая годовщина Советской власти» (62).

Известие о созыве экстренного съезда Советов застало Зиновьева в поездке на Уральский фронт. По возвращении он вместе с Луначарским попытался побить московский «козырь», пригласив представителей всех Советов России принять участие в октябрьских торжествах в Петрограде. Это приглашение, опубликованное на первых страницах трех подряд номеров «Северной коммуны», гласило:

Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских депутатов и Совет Комиссаров Союза Коммун Северной области приглашает Московский Совет и все провинциальные, губернские, уездные и волостные Советы, прислать своих делегатов на празднества Октябрьской революции в Петрограде. Переворот 25-го октября (7 ноября) 1917 года совершился в Петрограде, руководящая роль во всей нашей социалистической революции принадлежала петроградскому пролетариату; мертвцы нашей Коммуны, жертвы октябрьских битв похоронены в Петрограде; празднества в Петрограде должны носить всероссийский характер; мы просим поэтому все наши Советы рядом с посылкой своих делегатов на Всероссийский съезд Советов посыпать также в Петроград по одному, по два человека от каждого Совета на два-три дня празднества; мы просим, кроме того, все наши армии прислать и свои делегации на празднества в Петрограде, насколько боевая обстановка позволит оторвать людей от фронта. Петроградский Совет надеется, что наше приглашение встретит ваше товарищеское сочувствие.

Зиновьев, Луначарский (63).

* * *

По мере приближения октябряских праздников внимание советских властей в Петрограде сфокусировалось, главным образом, на завершении крупнейших строительных объектов; маскировке или уничтожении символов старого строя; обеспечении максимальной массовости праздничных мероприятий и уверенности в том, что оппоненты большевиков не смогут помешать их проведению. Главной трудностью, тормозившей возведение гигантского количества декоративных объектов, была нехватка строительных рабочих — даже после привлечения большого количества строителей из провинции. В начале ноября руководители всех строительных и реконструкционных объектов, не имевших отношения к празднику, получили указание немедленно освободить от работ всех имеющихся у них плотников, столяров, маляров и разнорабочих и направить их в распоряжение Центрального бюро. Тем, кто замешкается, грозило сурьое наказание (64).

Задача маскировки или устраниния символов старого режима решалась различными способами. Небольшие статуи, изображения и тому подобные артефакты уничтожались или убирались с глаз долой. Крупные скульптуры, царские эмблемы на зданиях и т. д. закрывались красными полотнищами или декоративными панелями. Так поступили, например, с гигантской конной статуей Александра III на Знаменской площади. В своем докладе Петроградскому Совету 1 ноября Анцелович пообещал переименовать все улицы и площади, напоминающие о «проклятом времени» (65).

Большинство новых названий улиц и площадей, а также мостов и зданий славили революционных героев, события или институты, рожденные революцией. Например, Невский проспект стал проспектом 25 октября, Литейный — проспектом Володарского, Суворовский — Советским, Иванова улица стала Социалистической, Дворцовая площадь — площадью Урицкого, Знаменская — площадью Восстания, Таврический дворец стал Дворцом Урицкого, Дворянский мост — Республиканским, а Полицейский — Народным мостом (66).

Во второй половине октября резко возросло количество публикаций в прессе, посвященных приготовлениям к празднику. 24 ок-

тября «Северная коммуна» поместила подробный, восторженный репортаж об украшении к празднику Марсового поля, и с тех пор ежедневно публиковала подобные бодрые отчеты о ходе подготовки других праздничных объектов (67). В то время у петроградских политических лидеров было принято выступать с речами по важнейшим вопросам на еженедельных воскресных митингах. 27 октября темой массовых митингов была «Великая годовщина». Судя по газетным репортажам, ведущие петроградские большевики, выступая в различных районах города, стремились разжечь энтузиазм масс по поводу внутренних и внешних успехов Октябрьской революции, а также приближающегося юбилея как праздника петроградского пролетариата — авангарда международной революции.

Пресса ежедневно сообщала петроградцам о крупных партиях зерна и даже деликатесов, присыпаемых в революционную столицу из отдаленных производящих губерний в качестве подарков «Красному Петрограду» к октябрьским торжествам. Так, 1 ноября было объявлено, что в Орловской губернии в Петроград отгрузили десять тысяч гусей, которые в праздник должны были украсить столы революционных пролетариев (68). Также сообщалось, что в городские пекарни уже поступило необычайно большое количество муки, и полуфунтовые буханки, которые намечалось выпечь из нее в ночь с 5 на 6 ноября, вечером 6-го должны были заполнить хлебные лавки (69). Что еще нужно, чтобы привести голодающий город в праздничное настроение?

Еще один важный вопрос, способный оказать влияние на настроения петроградцев в праздник, был разрешен 2 ноября, когда исполком Петроградского Совета, в ответ на беспокойство рабочих, постановил немедленно опубликовать декрет о том, что для рабочих и служащих праздничные дни будут полностью оплаченными. Все те, кто не может быть освобожден от работы на праздники, получат двойную оплату (70).

Особой заботой организаторов было отношение к празднику женщин-работниц, которое зачастую выглядело прохладным, если не сказать — враждебным. Как утверждала 20 октября передовица «Красной газеты», октябрьская годовщина была самым подходящим временем для фабричных работниц, чтобы одуматься и окончательно избавиться от их обычной политической пассивности. В статье на

той же странице, озаглавленной «Почему рабочий класс празднует Октябрьскую революцию», Самойлова подвергла особой критике работниц бумажных и табачных фабрик. Однако было очевидно, что указанная ею фундаментальная проблема — нежелание фабричных работниц поддержать большевизм — была более распространенным явлением. После перечисления эпохальных достижений Октябрьской революции Самойлова упрекнула работниц, которые, по ее мнению, отказывались принимать участие в праздновании Октября и, что еще хуже, собирались работать в дни юбилея, потому что это якобы «еврейский праздник». «Краской стыда заливается лицо каждой сознательной работницы, когда она читает эти слова», — негодовала Самойлова (71).

В целях пресечь попытки политических противников сорвать торжества большевики в Петрограде арестовали сотни потенциальных смутьянов из числа до сих пор находившихся на свободе оппозиционеров высшего и среднего звена. Эта новая карательная операция началась в ночь с 4 на 5 ноября. Среди арестованных оказались и рабочие Обуховского завода, эсеры Григорий и Алексей Еремеевы. (Первый уже подвергался кратковременному задержанию в июне, после убийства Володарского (72)). Был также задержан Александр Изгоев, член ЦК кадетской партии, которого собирались арестовать как заложника еще в начале «красного террора». Однако тогда, в лихорадке облав и арестов, его, как и некоторых других политических лидеров оппозиции, проглядели. Как вспоминал в своих мемуарах сам Изгоев, ночью 4/5 ноября группа солдат и матросов провела тщательный обыск его квартиры, конфисковала кипы его бумаг и доставила его самого в местный полицейский участок. Там его держали в приспособленном под тюремную камеру подвальном помещении вместе с 40 другими жертвами предпраздничной облавы. Вскоре выяснилось, что единственной связующей нитью между ним и его сокамерниками было то, что все они были в списках кандидатов на выборах в районные думы весной 1917 года и что эти списки — кандидатские списки первых в истории России подлинно демократических выборов — были использованы для определения личностей и адресов тех, кто подлежал аресту (73).

6 ноября Центральное бюро выпустило инструкцию по содержанию речей, с которыми докладчики должны были выступать на

последующих митингах и других общественных мероприятиях, чтобы не дать им превратиться в форумы для свободных дискуссий. Согласно этим инструкциям, выступления ораторов должны были происходить в строго отведенных местах, оборудованных трибуналами, стационарными или подвижными; митинги должны были длиться не более одного часа; с вступительными приветствиями должны были выступать агитаторы, избранные районными Советами; все выступающие на митинге должны быть аккредитованы. Каждый районный Совет был обязан предоставить агитаторов на местные театральные и музыкальные представления, которые должны были выступить перед началом с короткими приветствиями, в строгом соответствии с инструкциями Центрального бюро. В свою очередь, назначенные представители Петроградского Совета точно так же должны были выступить с короткими письменными приветствиями перед представлениями в больших городских театрах (74).

Одновременно военный комиссар Петрограда и Петроградской губернии издал приказ о приведении всех подчиненных ему частей Красной армии в регионе в полную готовность. Все временные увольнения были запрещены. Кавалерийские отряды по 50 человек должны были патрулировать центральные районы города по ночам, с 8 до 2 часов, и арестовывать всех подозрительных лиц, не говоря уже о тех, кто агитирует против Советской власти. Была усиlena охрана правительственные зданий, Государственного банка, Петропавловской крепости, важнейших мостов, телефонных и телеграфных станций, почтовых отделений. Войскам безопасности было приказано нести боевое дежурство в полицейских участках (75). Кроме того, в районных Советах были сформированы специальные «тройки» с неограниченными полномочиями на случай чрезвычайной ситуации во время торжеств (76).

Важно отметить, что на этот раз моряки Балтийского флота не были привлечены к обеспечению безопасности, поскольку власти города особенно опасались возможных беспорядков на праздники со стороны разгневанных матросов. Это опасение возросло еще больше после запоздалого публичного объявления о том, что 30 октября были казнены одиннадцать моряков, обвиненных в подстрекательстве к матросскому мятежу 14 октября. 2 ноября исполком Петроградского Совета неофициально признал провал усилий своего военного

отдела по проведению организационной работы среди матросов и улучшению их бытовых условий (77). Затем, наряду с критикой и реорганизацией отдела, исполком выпустил ряд обращений, предупреждающих о провокациях, готовящихся врагами большевиков. Типичным было обращение Петроградского Совета к экипажам кораблей и мобилизованным матросам, утверждающее, что левые и правые эсеры совместными усилиями планируют в дни праздников совершить акцию против Советской власти. «Эти белогвардейцы почему-то рассчитывают, главным образом, на вас, товарищи матросы, — говорилось в обращении. — ...Если к вам являются провокаторы “левые” и правые эсеры, черносотенные офицеры, переодевающие матросами, арестуйте их и немедленно представляйте на Гороховую, 2» (78).

В другом обращении говорилось: «Из разных источников поступают сведения, что контрреволюционные банды поставили себе задачу не допустить празднования годовщины Октябрьской революции... Пролетариат всего мира, возглавляемый русскими рабочими и крестьянами, дает последний решительный бой буржуазии, и поэтому наш праздник превращается в великий всемирный праздник торжества революционного социализма. мы не можем допустить, чтобы эти дни омрачились какими бы то ни было враждебными рабоче-крестьянской власти выступлениями» (79).

* * *

Все главные темы празднования Октября живо отражались в передвицах и репортажах единственной газеты, вышедшей в Петрограде 7–9 ноября, «Год пролетарской революции» — совместного издания «Петроградской правды», «Северной коммуны», «Красной газеты», «Вооруженного народа» и петроградских информационных агентств. Возможно, самой важной из этих тем был вывод о том, что благодаря революционному пожару, вспыхнувшему в Петрограде в октябре 1917 г., вся Европа либо уже объята революционным пламенем, либо близка к этому, и что годовщина Октября совпала с решающим моментом в борьбе за выживание Советской власти в России. Мучительный период ожидания мировой революции, во время которого

революционная Россия была вынуждена бороться за выживание в одиночку, почти подошел к концу.

В своих выступлениях 7 ноября и Зиновьев, и Луначарский называли Петроград «колыбелью социалистической революции всего мира» (80), а А. Нагловский в выпуске «Года пролетарской революции» от 7 ноября утверждал, что «самые трудные минуты и этапы уже пройдены» (81). В статье «Великая годовщина», опубликованной в тот же день в журнале «Пламя», Луначарский выразил уверенность, что вторую годовщину Октября в 1919 г. будет праздновать вся Европа. Однако, продолжал он, нигде ее не будут отмечать так, как в Петрограде, поскольку Петроград останется навсегда столицей мировой социалистической революции и станет местом проведения съездов Советов рабочих и крестьянских депутатов всего мира (82).

Это радостно-возбужденное, петроградоцентрическое настроение было типичным для официальных лиц Петрограда в эти дни. «Наши предшественники, парижские коммунары, продержали власть в своих руках только несколько недель. Русские рабочие держат власть в нашей стране уже в течение года», — гордо возглашал Зиновьев в передовице все того же первого выпуска «Года пролетарской революции». Парижские рабочие уступили, продолжал он, потому что, в отличие от русских рабочих, их не поддержала вся страна. Признавая, что победа Октябрьской революции не будет прочной, если рабочий класс других стран останется в стороне от борьбы российского пролетариата, он выразил абсолютную уверенность в том, что этого не произойдет.

Предсказанный Зиновьевым в этой передовице ближайший ход революционных событий выглядел следующим образом:

Республика в Австрии и Венгрии станет совершившимся фактом в ближайшие дни... Власть перейдет и в Вене, и в Будапеште, и в Праге к Советам рабочих и солдатских депутатов. В короткое время из Австрии революция перекинется в Италию... Близко, близко время, когда в Милане и в Риме мы увидим Советы... Триумф рабочего класса Германии неотразим... [И] когда окончательно взовьется красный флаг над Берлином, это будет сигнал, обозначающий, что недалек тот час, когда этот же красный флаг подымется над ратушей Парижа... Возможно, что английский капитал просуществует несколько лет рядом

с социалистическим режимом в других странах Европы. Но с того момента, когда победа социализма в России, Австрии, Германии, Франции и Италии станет фактом, с того момента английский капитализм будет доживать последние месяцы своей собачьей старости» (83).

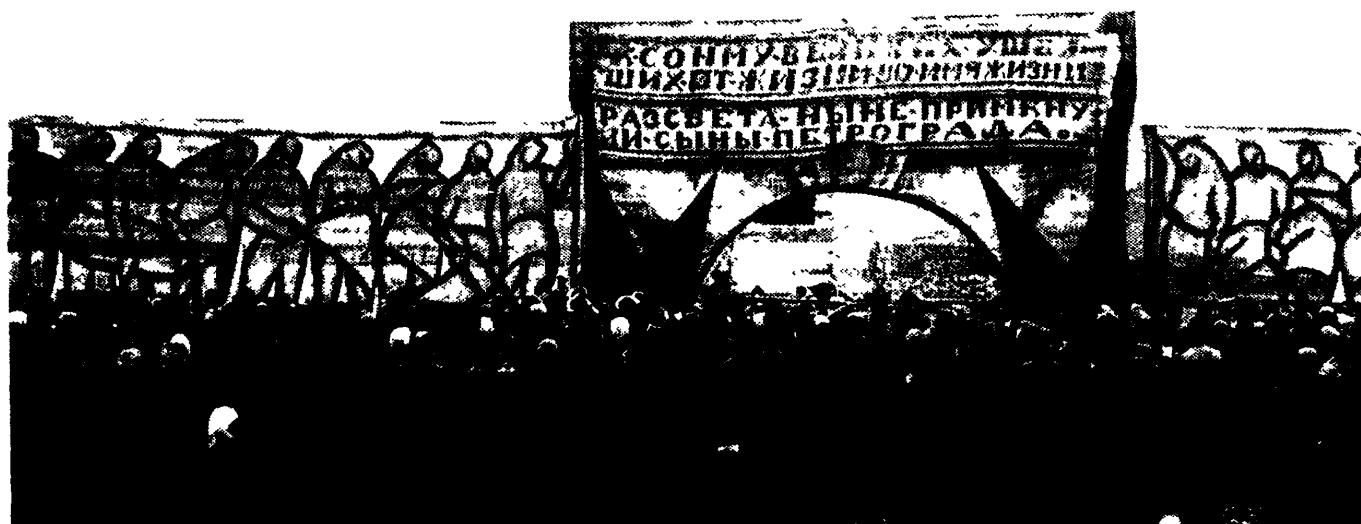
Другой важнейшей праздничной темой были растущие успехи Красной Армии. Красноармейцы к тому времени уже начали отбирать у моряков Балтийского флота титул преторианской гвардии и гордости революции. Вот как подавала эту тему одна из ключевых статей выпуска «Года пролетарской революции» от 8 ноября, написанная некой Л. Выборгской:

Кто был сегодня на улицах и площадях Питера, тот должен сказать, что, несмотря на всю красоту полотен и образов... наилучшей красой сегодняшнего дня была наша Красная Армия... Год тому назад у нас была небольшая кучка мужественных рабочих-борцов — Рабочая Красная Гвардия... Теперь у нас армия, которую не может не хвалить империалистическая Европа.

* * *

6 ноября в полночь громовые залпы салюта из пушек Петропавловской крепости возвестили о начале празднования первой годовщины Октябрьской революции в Петрограде. Холодный косой дождь, который лил всю ночь и весь следующий день, до нитки вымочил плотников и художников, торопившихся закончить в срок праздничные объекты. В семь тридцать утра толпы жителей Второго городского района, которые должны были составить головную колонну грандиозной праздничной демонстрации, начали собираться напротив здания своего районного Совета. Пока демонстранты строились, женщины, сновавшие в их рядах, собирали деньги на подарки красноармейцам на фронте. Ровно в восемь часов, после еще семи выстрелов пушки Петропавловской крепости, от Дворца труда к Второму городскому районному Совету и еще к десяти районным сборным пунктам по всему Петрограду устремились грузовики с пропагандистской литературой, плакатами, значками и горнистами, которые

должны были дать сигнал к началу шествия. Некоторое время спустя колонна Второго городского района (в ее рядах шли руководители районного комитета большевиков, представители профсоюзных и других городских организаций, а также рабочие и члены их семей), возглавляемая председателем со знаменем Второго городского районного Совета в руках и сопровождаемая оркестром и отрядом красноармейцев, двинулась, сквозь дождь и грязь, окольным путем к Смольному. В течение дня та же процедура, с определенными интервалами, повторилась и на всех прочих сборных пунктах Петрограда (84).

Участники празднества 7 ноября 1918 г на Марсовом поле Красный Петроград (1919 г)

Достоверных сведений о количестве участников праздничных демонстраций 7 и 8 ноября в Петрограде не существует. Большая часть иностранной печати, внимание которой было полностью поглощено победой над Германией и ширящейся революцией в Центральной Европе, проигнорировала большевистский праздник. Если же судить по публикациям в газете «Год пролетарской революции»,

количество людей, принявших участие в праздничных мероприятиях 7 ноября, превысило все ожидания (и то же было на следующий день). Среди противников Советской власти сообщение, опубликованное в советской прессе вечером 6 ноября, о том, что Германия разорвала отношения с Россией (85) — якобы из-за причастности Советского правительства к революции в Германии и его отказа наказать убийц Мирбаха — породило слухи о том, что германские войска в конце концов оккупируют Петроград и покончат с большевизмом. Это ожидание, похоже, наряду со страхом попасть под горячую руку веселящимся пролетариям, удержало дома в праздник таких наблюдательных и антисоветски настроенных знаменитостей, как, например, Зинаида Гиппиус. Из окон своего дома на Сергиевской улице неподалеку от Таврического дворца (ставшего Урицким) она могла видеть «длинные кумачовые тряпки и гигантский портрет взлохмаченного Маркса», висевшие на окружающем дворцовый парк заборе, и слышать гул шествующей к Смольному процессии, но самих демонстрантов ей видно не было (86). Впрочем, нет оснований сомневаться в том, что в празднестве приняли участие огромное количество петроградцев — мобилизованных кнутом и пряником, вдохновленных неминуемым поражением Германии и взрывом социальных революций в Центральной Европе и усиленных многотысячными толпами гостей из провинции, красноармейцев и крестьянских делегатов областного съезда комбедов, — даже с учетом огромной убыли населения в течение предшествующего года.

К полудню головные элементы процессии Второго городского района, соединившись с представителями съезда комбедов, достигли площади Диктатуры пролетариата (бывшей Лафонской) перед Смольным. Распределившись по заранее отведенным позициям вокруг накрытой тканью статуи Маркса, они слушали Луначарского, который, стоя на импровизированной трибуне, сооруженной на задрапированном красной тканью автомобиле, приветствовал место заседаний Петроградского Совета как «колыбель революции», отдал дань уважения Марксу и поведал самые последние радостные новости об успехах социалистической революции в Германии. Затем они наблюдали, как со статуи Маркса сдергивали покрывало, и выслушав еще несколько раз «Интернационал», отправились назад, к своим сборным пунктам. Остальные процесии «из районов», прибывав-

шие на площадь с интервалами в несколько минут, замедляли ход у памятника Марксу, где им «салютовали» звуками «Интернационала», отвечали радостными приветствиями, а затем, пройдя через центр города, возвращались «домой». Процедура шествия была расписана по минутам и прошла, судя по всему, без запинки, невзирая на дождь (87).

Представители комитетов деревенской бедноты в Петрограде на праздновании первой годовщины Октябрьской революции Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

Торжественное заседание Петроградского Совета, на котором присутствовали видные зарубежные социалисты, официальные правительственные и партийные лица, избранные представители советских и профсоюзных организаций, должно было начаться в семь часов вечера. Но лишь к восьми часам оркестры и ведущие солисты государственных опер и Смольного кафедрального хора появились на сцене, чтобы исполнить концерт классической музыки, открывавший заседание. Концерт закончился «Реквиемом» Моцарта, чем не преминул воспользоваться Зиновьев, выступавший главным док-

ладчиком, чтобы почтить память Володарского, Урицкого и «сотен» других членов Петроградского Совета, отдавших жизнь за дело революции. Это был один из немногих серьезных моментов в выступлении Зиновьева. Другой последовал, когда, в редком для него приступе откровенности, он попросил прощения за то, что так мало было сделано для рабочего класса в первый год Советской власти. «Мы не сумели еще одеть рабочих. Они оборваны, и на их лицах печать голода, их женам и детям тяжело», — признавался он. Однако великое достижение Советской власти состояло в том, что она разбудила «братьев-пролетариев» во всем мире (88).

Комиссары Северной коммуны на открытии памятника Карлу Марксу. 1 Зиновьев. 2 Луначарский, 3 Позерн (за Луначарским), 4 Евдокимов (крайний справа), 6 Лилина, 7 Лисовский; 8 Восков, 9. Равич *Boris Sokoloff Collection, Hoover Institution Archives*

Забыто оказалось то, что сам Зиновьев выступал против вооруженного захвата власти большевиками в октябре 1917 г. Его речь была, по сути, речью победителя. Повторив ленинское предостережение о том, что союзники, одержав победу на Западе, могут нанести удар по Советской России, он, похоже, не видел в этом серьезной угрозы революции, ибо считал, что стремительно набирающая мощь Красная Армия способна дать отпор любому врагу. Кроме того, он

с усмешкой напомнил, как в период подготовки к Октябрьской революции умеренные социалисты отвергали возможность социалистической революции в отсталой России; между тем, нельзя было не видеть, что эксплуатируемые массы созрели для восстания против своих эксплуататоров. «Мы это учитывали год тому назад. И год социальной революции доказал всем правильность наших предсказаний», — победно провозгласил он.

Неоднократно в течение своей речи Зиновьев подчеркивал, сколь велика радость этого дня. «Мучительно долго ждали мы момента, когда западный рабочий класс осознает свои цели, но нельзя придумать более счастливого момента, чем переживаемый нами теперь». «Никогда еще солнце не было к нам так близко, как теперь. Мы, несомненно, доживем до такого момента, когда свой Смольный будет не только у нас, но и у французов, англичан и у американцев... [Но даже тогда] пролетарии... всех стран будут чтить Смольный как свою величайшую святыню». «Да здравствует лучший из лучших петроградский пролетариат! Да здравствует надвигающаяся и уже надвинувшаяся революция! Да здравствует славный Смольный!» — финальные здравицы Зиновьева потонули в мощных звуках «Интернационала», исполняемого сводным оркестром, и в грохоте фейерверков, разом разорвавших черноту неба над Невой. Сразу после выступления Зиновьев поехал на Николаевский вокзал, где его ждал поезд, чтобы отвезти в Москву, на Шестой Всероссийский съезд Советов (89).

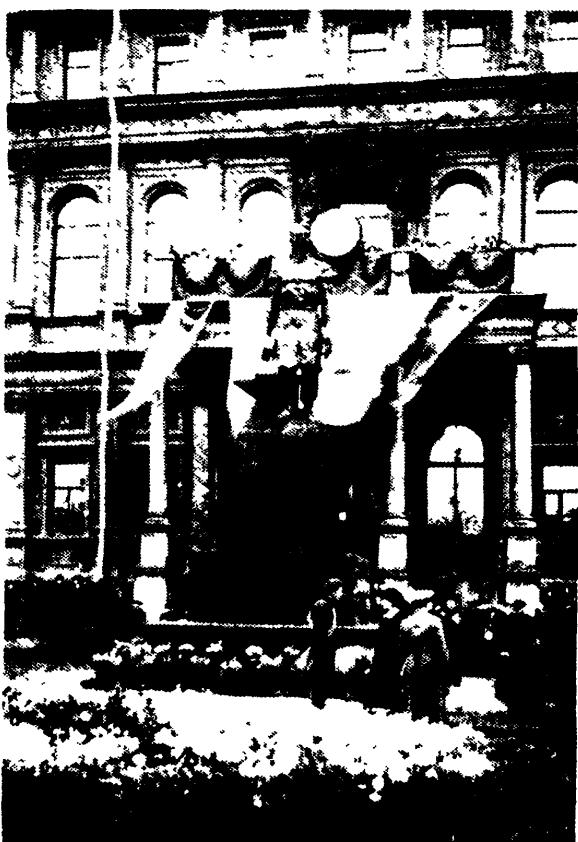
Пока Зиновьев выступал, дождь, ливший весь день, прекратился. Невзирая на зимний холод, толпы рабочих и солдат с семьями, вперемешку с группами крестьян, заполнили набережные Невы, чтобы посмотреть огненное шоу. Для того времени это, должно быть, было впечатляющее зрелище. Как выразился один из наблюдателей, вечером 7 ноября Нева имела «феерический вид». Гидропланы сновали над поверхностью воды к Марсовому полю и обратно. Военные корабли были украшены гирляндами соединявшими их между собой разноцветных огней. Лучи прожекторов крест-накрест расчерчивали небо и скользили по восторженным лицам зрителей, плотно столовившихся на набережных. Раздался сигнал, и в небо с одного из кораблей взмыла ракета, рассыпавшаяся гигантским снопом искр, после чего пальба ракетами и синими сигнальными огнями пошла со

всех кораблей и продолжалась несколько часов. Зрелищное огненное шоу длилось до глубокой ночи, а тем временем в разных местах города открылись кинотеатры «под открытым небом»; начались музыкальные и театральные представления, собравшие огромные толпы зрителей (90). Известный американский историк, ведущий специалист по русской и советской культуре, Ричард Стайтс так описывал живописное убранство города, на фоне которого протекали праздничные мероприятия:

Декор для праздника 7 ноября в Петрограде, исполненный крупнейшими художниками, такими как Мстислав Добужинский, Натаан Альтман, К. С. Петров-Водкин и Борис Кустодиев, был великолепным. Добужинский, сохранив классические красоты захаровского Адмиралтейства, усилил его морскую тематику маринистскими панно, флагами и якорями и закрыл уродливые сооружения... вдоль Невы. Со своей стороны, Альтман постарался убрать предельную монументальность самодержавной архитектуры Дворцовой площади... позади модернистских сооружений. Результатом стало не только богатство праздничного убранства, но и стирание в образе Петрограда визуальных черт центра безраздельной власти (91).

Это был, по всем отзывам, массовый праздник, подобного которому Петроград еще не видел.

Не менее зрелищным был и состоявшийся на следующий день праздник труда. Центр торжеств переместился из Смольного в Дворец труда. Маршруты праздничных шествий были намеренно проложены через богатые кварталы, прилегающие к Невскому проспекту, которые, таким образом, оказались оккупированы демонстрантами на несколько часов. Самые именитые участники шествия: руководители профсоюзов, члены правительства, высокопоставленные большевики, представители комисариата труда и СНХ СР, — собирались в начале проспекта 25 октября (Невского), на углу Большой Морской улицы. За ними шли более ста тысяч рабочих, в том числе множество безработных, сгруппированных по профсоюзам. Возглавляемая колонной металлистов, профсоюзная процессия, соединившись с другими группами участников, растянулась по всему проспекту 25 октября вплоть до площади Восстания (Знаменской) и растеклась по всем примыкающим к нему улицам и переулкам.

Открытие памятника рабочему-металлисту в рамках торжественной церемонии открытия Дворца труда, 8 ноября 1918 г. Фото Я. Штейнберга. Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

навивший Зиновьева, был заявлен главным докладчиком. Он начал с общих фраз об эволюции профсоюзного и современного рабочего движения и закончил не менее банальными рассуждениями о роли рабочего класса и профессиональных союзов в период перехода к социализму, что показал годовой опыт Советской России (93).

После Луначарского слово было предоставлено Рязанову, представлявшему Петроградский совет профессиональных союзов. Ранее, как старейший присутствующий революционер, он был приглашен в президиум торжественного мероприятия. Несомненно, организаторы праздника беспокоились по поводу того, что он может сказать, и его выступление было лишь вскользь упомянуто в «Годе пролетарской революции». Стенографическая запись показывает, что он остался верен себе. Не принимая преувеличений Луначарского, он попытался сбить накал того, что ему казалось крайне неуместным оптимизмом в отношении развития революции за рубежом. Утверждая, что даже

В полдень, после очередного артиллерийского салюта, тысячи демонстрантов двинулись по направлению к Адмиралтейству и Дворцу труда. Напротив Дворца высилась трибуна и завешенная тканью статуя рабочего-металлиста. Примерно через час, после того как открытое пространство перед Дворцом заполнилось ими и рядовыми зрителями, на трибуну поднялся Луначарский и торжественно открыл памятник (92).

Главным событием второго дня октябрьских торжеств в Петрограде была церемония открытия самого Дворца труда. Она началась с торжественного обещания Анцеловича в будущем превратить все дворцы Петрограда в дворцы труда, потому что, как выразился он, «мы сильны, потому что мы можем сделать все, что пожелаем». Луначарский, временно заменивший

во время празднования «Октября» надо смотреть правде в глаза, он заявил, что, как и предсказывали «левые коммунисты», брестская капитуляция отсрочила взрыв «настоящей международной революции». Благодаря поражению Германии, позорный мир был аннулирован. Однако победа империалистических союзников создала еще более опасную ситуацию. Так же, как и Ленин, Рязанов был абсолютно уверен, что победители из Антанты скоро захотят задушить русскую революцию. «Красному Петрограду», считал он, не останется ничего другого, кроме как сопротивляться любой ценой. С другой стороны, если «колыбель революции» найдет в себе силы защитить себя, в tandemе с австрийским и германским пролетариатом, она сумеет выстоять и дожить, в конечном счете, до решающих социалистических революций в Западной Европе (94).

В царящей атмосфере праздника рязановская «ложка дегтя» была встречена неодобрительно. Гораздо более популярными были обращения Вячеслава Молотова от СНХ СР и Сергея Зорина от СК СО, выступавших после Рязанова. Молотов с уверенностью предрек, что Дворец труда станет центром окончательного подавления буржуазии петроградским пролетариатом, а Зорин выразил надежду, что октябрьское празднество и открытие Дворца труда станут всемирными символами великой власти рабочего класса. Мы говорим рабочим другим стран, убеждал Зорин, «смотрите — мы душим нашу буржуазию, душите же и вы свою» (95).

Между тем, планы сделать следующий день (9 ноября) праздником «пролетарских детей» были близки к осуществлению. Программа намеренно была разработана так, чтобы дети повторили «взрослые» демонстрации первых двух дней. Участники (предполагалось, что их будет 50 тысяч человек) были все детьми рабочих или, по крайней мере, бедноты, набранными из заводских детских организаций, бесплатных начальных школ и детских приютов. С 10 часов утра с 2-часовым интервалом «маленькие пролетарии» с красными флагами, транспарантами и плакатами (некоторые из которых, несомненно, были сделаны их собственными руками) начали собираться на сборных пунктах по всему Петрограду под наблюдением учителей и добровольцев-координаторов из профсоюзов. Затем они расселись по празднично украшенным трамвайным вагонам и поехали к зданию Генерального Штаба, расположенного на площади

Урицкого (Дворцовой), напротив Зимнего дворца. Если младшие дети весь путь проехали на трамвае, то старшие сошли в нескольких кварталах от площади Урицкого, где они сформировались в колонны и, во главе с девушками в красных косынках, с белыми хризантемами и разноцветными флагами в руках, с пением «Интернационала», двинулись вниз по проспекту 25 октября (Невскому). Как писал репортер «Петроградской правды», «этот гимн в устах юных пролетариев и пролетарок, подхватываемый звонкими детскими голосами, особо радовал сердца рабочих и работниц, с любопытством останавливавшихся на улицах и с восхищением смотревших на шествие молодого подрастающего поколения будущих граждан и строителей социализма на земле» (96).

Толпы детей выстроились гигантским каре на площади перед Зимним дворцом. День выдался очень ветреный, но небо было ясным и синим. Дрожа от холода, дети выслушали сначала «Интернационал» в исполнении военного оркестра, а затем речь Луначарского, который нарисовал картину чудесного будущего, которое ждало их впереди, благодаря успешной борьбе их отцов за свободу, равенство и братство. В Зимнем дворце маленьким зрителям были представлены шутливые сценки, живые картины и концерты, после чего их напоили горячим чаем и угостили сладостями. Затем, в сопровождении военных оркестров и ряженых клоунов, они прошли процессией по проспекту 25 октября к площади Восстания, где снова расселись по вагонам конки и вернулись на свои сборные пункты. На следующий день «Красная газета» писала, что это мероприятие доказало, что отныне никто не посмеет обидеть петроградских бездомных детей и сирот, так как у них есть любящая мать — Советская власть (97). Более трезвую оценку ситуации с бедными и бездомными детьми дала Самойлова, которая в этом вопросе проявила столь же реалистический подход, как и в комментариях по поводу политической отсталости женщин-работниц (98). Приветствовав тот факт, что детям рабочей бедноты был предоставлен шанс почувствовать себя частью октябрьского торжества, она подчеркнула, что, по сути, почти ничего не было сделано, чтобы реально улучшить их положение. Для нее лично 9 ноября был не столько детским торжеством, сколько торжеством детей, свидетельством необходимости обратить внимание на их по-прежнему бедственное положение (99).

Дети празднуют первую годовщину Октябрьской революции в Петрограде, 9 ноября 1918 г.
Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

* * *

Большой «пролетарский детский день», устроенный 9 ноября, лишил возможности активистов из Петрограда разъехаться в этот день по провинции, чтобы там принять участие в праздновании годовщины Октября. В некоторых уездных центрах, правда, Советы подготовили праздничных докладчиков, но в основном отдаленные города и деревни были вынуждены организовывать свои торжества сами. Репортаж о праздновании Октября в Котельской волости Ямбургского уезда, присланный в петроградское телеграфное агентство местным большевиком, является собой самое полное описание праздничных торжеств в отдаленном уголке Петроградской губернии, которое мне только удалось найти (100). Как явствует из этого репортажа, проливной дождь, шедший всю ночь накануне и весь день 7 ноября, затопил всю округу. Невзирая на это, рано утром местные крестьяне украсили свои избы и, бредя по колено в грязи, отправи-

лись на деревенские сходы. Для проведения праздника волость, включавшая в себя 56 деревень и несколько небольших фабрик, была разделена на четыре района. Примерно в середине дня жители деревень каждого из районов, многие — с красными знаменами, собрались вместе. На каждом сходе выступил с речью местный большевик, который рассказал о международном значении захвата власти в России пролетариатом и беднейшим крестьянством и о перспективах борьбы за социализм за рубежом. Потом участники сходов, с пением революционных песен, двинулись в волостной центр Котлы.

Ночью накануне праздника в Котлах под руководством «опытного крестьянского строителя» была возведена «триумфальная арка в крестьянском стиле» и закончено обустройство «Рабоче-крестьянского университета имени тов. Ленина». Его торжественное открытие должно было стать главным событием местных торжеств. Из окрестных деревень прибыли крестьяне с красными флагами. Собравшись возле «университета», они построились в колонны. Первыми стояли дети из Котельской школы, которые держали два темно-красных шелковых знамени, украшенных золотым шнуром с кистями. За школьниками выстроились группы местных большевиков с транспарантом «Смерть кулакам — беднота идет». Перед собравшимися выступил представитель Ямбургского уездного Совета, рассказавший о международном значении единства пролетариата и многомиллионного беднейшего крестьянства в России, после чего толпа, под радостные возгласы и революционные песни, исполняемые членами местного театрального кружка, отправилась в торжественное шествие по окрестным деревням, многие из которых были украшены зелеными ветками, красными флагами и арками, увитыми сосновыми ветвями. Вернувшись в Котлы, они у «Триумфальной арки» слились с тремя другими районными процессиями и проследовали к «университету» на торжественное открытие, которое произвел представитель Ямбургского Совета. На университетском флагштоке был поднят красный флаг, и котельский красноармейский отряд произвел несколько холостых выстрелов в воздух из винтовок в качестве салюта. Собравшиеся приветствовали открытие университета радостными криками, после чего всех пригласили внутрь на чай с конфетами (бесплатными для детей и официальных приглашенных и «за минимальную плату ниже себестоимости» — для всех остальных).

С наступлением вечера толпа собралась вокруг «костра революции», чтобы посмотреть, как будут сжигать чучела, символизирующие палачей и слуг старого режима, в том числе «Альберта» — особо ненавистного бывшего местного помещика. Как признался автор репортажа, для него сцена, в которой седобородые мужики, знающие об истязаниях крепостных помещиками лишь из рассказов дедов и отцов, плясали, как дети, от радости вокруг костра, пока языки пламени лизали чучело Альберта, представляло незабываемое зрелище. В тот момент казалось, писал он, будто всех спаяло воедино это разрушение старого порядка и сияние мировой революции, несущей социализм в Европу. После костра для молодежи в университете были устроены танцы; для тех, кто желал попеть, были отведены отдельные помещения. Веселье продолжалось до глубокой ночи, и жителям отдаленных деревень, пожелавшим остаться, нашлось место для ночлега (101).

* * *

Организация празднования первой годовщины Октябрьской революции в Петрограде проливает свет на ряд ключевых вопросов, касающихся существования партии большевиков и Советской власти в бывшей столице в первый год после «Октября». Первый из них есть вопрос об институциональном центре сосредоточения власти в тот период. Отречившись на время от проблемы взаимоотношений между большевистскими партийными комитетами и местными Советами, следует признать, что положение высших органов Советской власти в Петрограде по отношению к районным Советам с середины лета серьезно изменилось. Конечно, районные Советы по-прежнему ревностно охраняли свою независимость. Однако уже было ясно, что они ведут заведомо проигрышную борьбу. Ведущая роль, которую сыграло в подготовке праздника созданное под эгидой президиума Петроградского Совета Центральное бюро организации октябрьских торжеств, а на местном уровне — жестко подчиненные ему организационные комиссии при районных Советах, свидетельствовало об этом.

У районных Советов, особенно вначале, были свои оригинальные идеи по поводу организации праздника в районах, предусматривающие, в том числе, вовлечение в процесс подготовки праздничных мероприятий представителей местных фабрик и заводов, что рассматривалось как способ восстановления связей с рабочей массой. В то же время, они не скрывали своего традиционного пренебрежения к вышестоящим инстанциям. Однако тот факт, что Центральное бюро сосредоточило в своих руках финансирование праздника, стал причиной того, что районные праздничные комиссии были вынуждены смирить свою гордыню и принять всестороннее руководство сверху. Единственным крупным праздничным проектом, рожденным в основном инициативой «снизу», был детский праздник. Таким образом, уже осенью 1918 г. наработанная в Центральном бюро и его отделах жестко централизованная, исключительно большевистская, иерархическая структура власти — пусть пока еще далекая от воплощения — настойчиво внедрялась в качестве модели для всех правящих институтов, от СК СО с его комиссариатами и Петроградского Совета до районных Советов и отделов их исполкомов.

Одновременно в районных Советах — в большей степени, чем в СК СО и Петроградском Совете, не говоря уже о ПЧК — влияние партийных органов перестало ограничиваться символическим представительством, как это было раньше, в течение большей части года. Скромное участие партийных органов в организации праздника было не столько показателем их реальной власти, сколько данью целесообразности. В целом же, партийное влияние осуществлялось отныне (в формах, которые существенно разнились от района к району) через назначения на руководящие советские посты, обязательные регулярные отчеты советских деятелей с критикой их на заседаниях местных партийных комитетов и организацию большевистских фракций в районных Советах. Однако даже в районах, где все эти механизмы были значительно развиты, они демонстрировали скорее растущее влияние, но не контроль партии над политикой районных Советов. В результате, вражда между районными партийными комитетами и Советами, как и между районными Советами и общегородскими органами власти, продолжала оставаться нормой. Структурные взаимоотношения между партией и Советами по-прежнему так и не были разрешены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ЦГАИПД Ф 1728 Оп 1 Д 48973 Л 7

2 Вестник Совета 1-го городского района 1918 9 октября С 3, 30 октября С.2

3 См., напр., выступление Зиновьева и его резолюцию о международном положении, принятую Петроградским Советом 4 октября — Северная коммуна 1918 5 октября С 2, 6 октября С.2–3

4 См., напр., газетные репортажи о выступлениях Зиновьева и Луначарского на тему «зашатавшихся тронов» на воскресных митингах 6 октября — Северная коммуна. 1918 8 октября С 2

5 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 8 Л 1–9, Д 117 Л 11, Д 72 Л 3, Ф 16 Оп.1 Д 293 Л 6об

6 Быстранский В. Октябрьская революция — величайшее событие в мировой истории // Год пролетарской революции 1918 7 ноября С 1

7 ЦГА СПб Ф.142 Оп 1 Д 28 Л 307

8 Северная коммуна 1918 25 сентября С 2

9 ЦГАЛИ СПб Ф 63 Оп 1 Д.62 Л 197

10. Северная коммуна 1918 21 сентября С 2

11 Там же

12 James von Geldern Bolshevik Festivals 1917–1920 — Berkeley, 1993 Р 62.

13 Северная коммуна 1918 21 сентября С.2. Николаевский дворец (Ксениинский институт, закрытый в 1917 г.), располагался в центральном Адмиралтейском районе, рядом с Зимним дворцом. Профсоюзные организации обосновались в затейливо украшенном здании задолго до годовщины Октября. Однако ассоциации с прошлым придали его украшению и отдаленное осенью 1918 г. и официальному открытию как Дворца труда символическое значение

14 Это было то самое заседание, на котором разгорелся яростный спор между Рязановым и Зиновьевым по поводу освобождения к празднику невинных жертв «красного террора». См. выше, глава 12

15 ЦГА СПб. Ф 1000 Оп 2 Д 10. Л.1–3, Северная коммуна 1918 25 сентября. С.2

16 Там же Ф 3 Оп 1 Д 2 Л 31–31об

17 Там же Ф 101 Оп 1 Д 38 Л 65

18 Там же Л 66об–67 Подобным образом, заслушав доклад о праздничных мероприятиях, запланированных Бюро, недовольные большевистскими «организаторами» от предприятий в Первом городском районе обратились в свой Совет с требованием украсить все здания в округе красными флагами и звездами и организовать на всех предприятиях и в воинских частях хоры, которые будут исполнять революционные песни — Вестник Совета 1-го городского района. 1918 3 ноября С 3

19 Северная коммуна 1918 9 октября С 1 В последующие дни с аналогичными заявлениями выступили также кинематографическая и театральная секции Центрального бюро. См. там же 15 октября С 2 и 19 октября С 1

20 ЦГА СПб. Ф.3 Оп 1. Д 2 Л 41–41об

21 Там же. Л 41об

22 Там же. Ф 1000 Оп 79 Д 40 Л 1–2об

23 ЦГАИПД Ф 16 Оп 1. Д 295 Л 12

24 См. ниже

25 ЦГА СПб Ф 1000. Оп 2 Д 14 Л.62

26 РГАСПИ Ф 67 Оп 2 Д 4 Л 18

27 Красная газета 1918 17 октября С 1, *Лурье*. Первый съезд комитетов деревенской бедноты Союза коммун Северной области // Красная летопись 1931 №4 (43) С 8

- 28 Северная коммуна 1918 25 октября С 2
- 29 Там же 23 октября С 3
- 30 По поводу планов театральной секции см Красная газета 1918 22 октября С 3, Северная коммуна 1918 24 октября С 3, музыкальной секции — Северная коммуна 1918 24 октября С 3, киносекции — Северная коммуна 1918 3 ноября С 1
31. Северная коммуна 1918. 5 ноября С 2
- 32 ЦГА СПб. Ф.1000 Оп 80 Д 60 Л 8.
- 33 Там же Оп 2 Д 14 Л 64
- 34 Северная коммуна 1918 24 октября С 3
- 35 ЦГА СПб Ф 2551 Оп 1 Д 2467 Л 2об
- 36 Красная газета 1918 25 октября С 3, 5 ноября С 2
- 37 См , напр , Северная коммуна 1918 1 ноября С 4
- 38 Творчество революционных рабочих 2-го городского района. Отчет о работе совдепа 2-го гор района с первых дней революции до годовщины Великой Октябрьской революции — Пг , 1918
- 39 Северная коммуна 1918 1 ноября С 1
- 40 ЦГА СПб Ф 6276 Оп 3 Д 27 Л 41–42
- 41 Самое полное изложение обращений Зиновьева было опубликовано в «Северной коммуне» как обращение к рабочим, матросам и красноармейцам — Северная коммуна. 1918 26 октября С.2 См также ЦГА СПб Ф 1000 Оп 2 Д 10 Л 9
- 42 ЦГА СПб Ф 2551 Оп 1. Д 2246 Л 10об
- 43 Северная коммуна 1918 24 октября С 3
44. Там же. 25 октября С.3
- 45 Там же. 24 октября С 3
- 46 Там же. 1 ноября С 4
- 47 ЦГА СПб Ф 2551 Оп.1 Д 2246 Л 10
48. Красная газета. 1918. 2 ноября С 3
- 49 Вестник годовщины великой рабоче-крестьянской революции 1918 7–9 ноября С 4
- 50 ЦГА СПб Ф 1000 Оп 2 Д 4 Л 59–65, Северная коммуна 1918 2 ноября С 3
- 51 ЦГА СПб Ф 1000 Оп 2 Д 4 Л 65
- 52 Там же
53. РГАСПИ Ф 324 Оп 1 Д 13 Л 13
54. Северная коммуна 1918 3 ноября С 1
- 55 Вечером 6 ноября этот чрезвычайно подробный план маршрута шествия был распространен среди участников в виде специального издания «Вестника годовщины великой рабоче-крестьянской революции»
- 56 ЦГА СПб Ф 1000 Оп 2 Д 14 Л 64
- 57 Северная коммуна 1918 6 ноября С 5
- 58 Там же 19 октября С 2
- 59 См в этой связи итоговый отчет праздничной комиссии Колпинского Совета — ЦГА СПб Ф 1000 Оп 80 Д 61 Л 47–49об
- 60 Северная коммуна 1918 23 октября С 3
- 61 Там же 17 октября С 3
- 62 Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета С 274, Известия ЦК КПСС 1989 №6 С 162; Владимир Ильич Ленин Биографическая хроника. Т.6 С 176–177
- 63 Северная коммуна 1918 31 октября С 1 (перепечатано 1 и 2 ноября)
- 64 Там же 1 ноября С 4

- 65 ЦГА СПб Ф 1000 Оп 2 Д 14 Л 65
- 66 Вестник годовщины всликой рабоче-крестьянской социалистической революции 1918 7–9 ноября. С 4
- 67 Северная коммуна 1918 24 октября С 2–3
- 68 Вооруженный народ 1918 1 ноября С 5
- 69 Там же
70. ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 252 Л 57, 61
- 71 Красная газета 1918 20 октября С 3.
- 72 ЦА ФСБ РФ №Н-199 Т.1 Л 120 См вышс, глава 9
- 73 Изгоев А С Пять лет в Советской России (обрывки воспоминаний и заметки) //Архив русской революции Т 10 — Берлин, 1923 С 30–34, 53
- 74 Красная газета 1918 6 ноября С 3
- 75 ЦГА СПб Ф 100 Оп 1 Д 47 Л 41
- 76 6 ноября подобная чрезвычайная тройка была сформирована исполнкомом Василеостровского Совета — ЦГА СПб Ф 47 Оп 1 Д 28 Л.173
- 77 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 252 Л 61
- 78 Северная коммуна 1918 5 ноября С 1
- 79 Там же.
- 80 Год пролетарской революции. 1918 8 ноября С 3, 9 ноября С 4
- 81 Там же 7 ноября С 3
- 82 Пламя 1918 7 ноября С.433.
- 83 Год пролетарской революции 1918 7 ноября С 1
- 84 Там же. С 4; 8 ноября С 3
- 85 См , напр , Красная газета 1918 6 ноября С 1
- 86 Гиппиус Зинаида Дневники Т 2 — М., 1999 С 149
- 87 ЦГАИПД Ф 999. Оп 1 Д.48 Л 2–3; Год пролетарской революции 1918 8 ноября С 3
- 88 Год пролетарской революции 1918 8 ноября С 2
- 89 Там же
- 90 Там же
- 91 Richard Stites Revolutionary Dreams Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution — New York and Oxford, 1989 Р 93 О художественном оформлении празднества в Петрограде см также von Geldern Bolshevik Festivals, 1917–1920 Р 93–97
- 92 Год пролетарской революции. 1918 9 ноября. С 3
- 93 Там же
94. ЦГА СПб Ф 1000 Оп 2 Д 17 Л.40.
- 95 Год пролетарской революции 1918 9 ноября. С 3
- 96 Петроградская правда 1918 10 ноября С 2
- 97 Красная газета 1918 10 ноября С 4
- 98 См вышс
- 99 Год пролетарской революции 1918 9 ноября С 2
- 100 ЦГАЛИ Ф 63 Оп 1 Д 62. Л 74–76 Город Ямбург — ныне Кингисепп
- 101 Там же Л 75